

К ВОПРОСУ ОБ ОРДЫНСКОЙ ПОЛИТИКЕ КНЯЗЯ ДАНИИЛА
РОМАНОВИЧА ГАЛИЦКОГО¹

В историографии сложилась традиция смотреть на политику князя Даниила Романовича Галицкого после Батыева нашествия как на антиордынскую [13, с. 496; 36, с. 170; 14, с. 24; 32, с. 63; 28, с. 234, 240; 5, с. 228; 20, с. 99; 23, с. 20; 4, с. 67; 16, с. 22, 26; 19, с. 36; 9, с. 121]. Основанием для подобной характеристики считают косвенные данные ряда источников. К их числу относят послания папской курии русским князьям Даниилу Романовичу и Александру Ярославичу². В них содержится просьба «сообщить... братьям Тевтонского ордена» о татарском войске, направляющемся против «христиан», с тем чтобы папа смог обдумать, как «оказать мужественное сопротивление сим татарам» [1, с. 129, № X]. Полагают, что эти послания могли явиться ответом на обращенные к Риму просьбы князей оказать помощь в борьбе с Ордой [38, с. 167; 9, с. 122]. Также имеются папские буллы, направленные на территории Чехии, Польши (1253 г.) и Пруссии (1254 г.), с провозглашением крестового похода против Орды [38, с. 176]. Это как будто подтверждает намерение Рима бороться с монголо-татарами. Кроме того, на данную концепцию «работают» и некоторые известия Ипатьевской летописи, например рассказ о коронации князя Даниила в 6763/1253 г.³ В тексте подчеркивается, что «древле бо того» Даниил Романович не принял корону, мотивируя свой отказ беспрестанными военными стычками с Ордой. Из этого можно сделать вывод, что вместе с короной в 1253 г. князь получил и обещание помощи против татар. Что касается военных стычек с Ордой, после Батыева погрома в той же летописи описано два похода монголо-татар в Галицко-Волынскую Русь — под 6763/1252 и 6767/1255 г.⁴ Эти походы трактуются исследователями по-разному. М. С. Грушевский высказал мнение, что целью первого из них была поддержка антикняжеского движения в Киевском Полесье и включение данных территорий в зону непосредственно ордынского подчинения [6, с. 84]. Целью второго похода монголо-татар была месть за разорение галицко-волынскими князьями подконтрольных Орде земель [6, с. 87; 35, с. 38–40]. А. Н. Насонов рассматривал оба похода Куремсы как попытки удержать окраинные области Галицко-Волынской земли в сфере своего владычества [28, с. 240, прим. 2]. В. Т. Пашуто полагал, что в 6767/1255 г. хан Бату поставил перед кочевавшим по правому берегу Днепра улусбеком Куремсой задачу не только защитить от русских зависимые Киевские и Болоховские земли, но и завоевать Юго-Западную Русь [31, с. 282]. И наконец, чаще всего данные акции рассматриваются как карательные. Обращают внимание на то, что поход 6763/1252 г. совпадает по времени с Неврюевой ратью во Владимиро-Суздальские земли на князя Андрея Ярославича, что позволяет воспринимать обе ордынские акции в качестве единой карательной кампании, целью которой было наказание двух князей-союзников за нежелание «цесарем служить» [3, с. 176]. Косвенным свидетельством существования союза между двумя князьями, по мнению ряда исследователей [36, с. 152; 32, с. 63; 28, с. 246; 31, с. 272; 4, с. 71; 16, с. 24; 9, с. 121; 3, с. 175], является женитьба князя Андрея Ярославича на дочери галицкого князя. Согласно

¹ Выражаю благодарность к. и. н. А. В. Лаушкину, д. и. н. А. А. Горскому, Е. Н. Казаковой, Е. С. Зиминой, А. М. Крюкову за консультации, рекомендации и ценные замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

² Переводы грамот князю Даниилу Галицкому сделаны и опубликованы С. А. Большаковой (см.: [1, с. 122–129]), а грамоты князю Александру Ярославичу — в книге В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой (см.: [27, с. 262–272]).

³ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 826–827.

⁴ В данном исследовании датировки событий приведены через дробь, в которой сначала указывается дата от сотворения мира по Ипатьевскому списку Галицко-Волынской летописи, а затем ее пересчет на современное летосчисление, предложенный М. С. Грушевским и Н. Ф. Котляром (см.: [7; 15]). Исключения оговариваются специально.

описанной концепции, антиордынская деятельность Даниила Романовича развивалась в двух направлениях: на западе князь вел переговоры с папой об организации масштабного похода на империю монголов, а на востоке искал союзников для участия в этой борьбе.

Однако, как нам кажется, при всей логичности этого построения сообщения источников можно интерпретировать и несколько иначе.

Что касается «западного» направления антиордынской политики князя Даниила Галицкого, его тщательный анализ был проведен рядом исследователей [8; 31; 33; 34; 18; 38, с. 152–182]. Изучение папских посланий, литовских и польских хроник, а также других документов, проливающих свет на взаимоотношения главы Римской церкви и галицкого князя в контексте актуальной политической ситуации, привело их к заключению, что обещания помощи против татар со стороны западных союзников Даниила имели декларативный характер [31, с. 254; 34, с. 117]. В то время раздробленная Европа не могла собрать войско, способное бросить реальный вызов могущественной державе монголов [8, с. 32; 18, с. 129; 38, с. 167, 177]. Кроме того, параллельно папа вел переговоры с монголами. Угроза завоевания монголо-татарами стран Восточной Европы, признавших церковную власть Рима, возможность их союза с врагами Святого престола — Никейской империи и германских императоров, а также возможность устранения руками монголов турков-сельджуков, грозивших приобретением крестоносцев на Ближнем Востоке, — вот круг вопросов, обуславливающих заинтересованность папы в урегулировании отношений с монголо-татарами [31, с. 243]. Что же касается союза с русскими князьями, он сулил свои немаловажные выгоды. Во-первых, такой союзник мог бы своевременно предупреждать о надвигающейся татарской угрозе и стать барьером на пути ордынских войск в Европу, а во-вторых, появлялись благоприятные условия для подчинения русской православной церкви власти папского престола [6, с. 72; 31, с. 243, 276–277; 1, с. 123; 4, с. 66; 17, с. 206; 38, с. 153–154]⁵. И в свете всего вышесказанного трудно предположить, что князь Даниил Галицкий, на протяжении всей своей жизни тесно контактировавший с западными соседями и связанный со многими из них семейными узами, не имел реального представления об их военных возможностях и политической ситуации в Европе. Но даже если князь и питал некие иллюзии относительно намерений своих западных визави, то все равно следует согласиться с выводом Б. Н. Флоря о том, что помощь против татар была важным, но не главным условием соглашения галицкого князя с папским престолом [38, с. 167].

Как показал Б. Н. Флоря, в конце 20-х — начале 30-х годов XIII в. в папских посланиях появляется антиправославная риторика [38, с. 136, 138, 139, 141, 151]. В документах, направленных в расположенные по соседству с русскими католические страны, демонстрируется враждебное отношение к православному миру. Русские в них называются «неверными», «врагами Бога и католической веры» [38, с. 136]. Очевидно, в тот момент папская курия начала проводить сознательную работу по распространению образа врага на православное население русских земель. Так готовилось идеологическое обоснование для агрессии в русские земли. В то же время проводилась работа по мирному включению русских земель в зону влияния папы. Вместе с обещаниями помощи против Орды в 1247 г. глава Римской церкви обещал Даниилу Галицкому поддержку и в борьбе против других православных князей, не подчинявшихся Риму [38, с. 158]. В том же году крестоносцам было запрещено каким-либо способом приобретать земли во владениях галицко-волинских князей [31, с. 253; 38, с. 158].

Кроме того, союз с папой давал Даниилу Романовичу возможность выступать на европейской политической арене на равных с другими католическими государями. Как заметил Б. Н. Флоря, в то время проводить европейскую политику без учета интересов курии и ее

⁵ А. В. Майоров, помимо прочего, не исключает, что папа искренне хотел помочь князю Даниилу в борьбе против татар (см.: [26, с. 80]).

благожелательной позиции было невозможно [38, с. 144, 158]. Таким образом, переход под покровительство Святого престола давал князю Даниилу Романовичу преимущества в проведении внешней политики на Западе и ликвидировал возможность католической агрессии в подвластные ему земли [8, с. 44; 31, с. 253; 34, с. 117; 40, с. 255; 9, с. 122–123].

Обратимся теперь к источникам и посмотрим, какие рати могли «беспокоить» галицкого князя.

После Батыева нашествия до 6763/1252 г., под которым в летописи зафиксирован первый поход Куремсы на Бакоту, галицкий князь практически непрерывно воевал. Сразу по возвращении в свои земли из Польши, где он скрывался от Батыея, князь принялся силой наводить там порядок⁶. Потом, в 6749/1241 г., воевал со своим племянником Ростиславом Михайловичем⁷. В 6753/1243 г. — с Болеславом Стыдливый⁸. В том же году Ростислав Михайлович снова приходил с войсками на князя Даниила Романовича⁹. В следующем году «придоша Литва и воеваша около Пересопнице»¹⁰. В 6765/конце 1244 — начале 1245 г. Даниилу Романовичу снова пришлось отражать атаку литовцев¹¹. В следующем году галицко-волинские войска сражались с ятвягами под стенами Дорогичина¹². Далее летопись сообщает о битве под Ярославом, где сошлись войска Ростислава Михайловича и Даниила Романовича¹³. Следующая погодная статья информирует о поездке Даниила к Батью¹⁴. После возвращения от хана Даниил Галицкий вместе с Земовитом Мазовецким ходил на ятвягов¹⁵. В 6760/1248 г. он принимал активное участие в борьбе за австрийские земли Фридриха II Бабенберга¹⁶, в литовской междоусобице, продолжившейся и в следующем году¹⁷. Далее в летописи говорится об участии Даниила Романовича в походе Белы IV на Пржемысла II Оттокара¹⁸. Под следующим годом, после рассказа о коронации, сообщается о походе Даниила на ятвягов¹⁹.

Как можно видеть, до коронации князя «беспокоили» в основном рати европейские. Среди перечисленных выше военных действий нет ни одного конфликта с Ордой. Как в таком случае можно интерпретировать ссылку на беспрестанные стычки с монголо-татарами и отказ принять корону от папы без военной помощи? В Ипатьевской летописи имеется пример использования ордынских ратей в качестве уважительного предлога для отказа от оказания военной помощи. В статье за 6789 г. рассказывается о конфликте Конрада и Болеслава Земовитовичей²⁰. Первый обратился за помощью к своему союзнику — волинскому князю Владимиру Васильковичу. Владимир Василькович, подозревая наличие предателей в окружении Конрада, пошел на хитрость и велел послу в присутствии всех конрадовых бояр сказать: «брат твои Володимир рад ти бых помог за твою соромоту, но не лзе ме, *замяле нами Татарове*»²¹ (курсив мой — Е. И.). В реальности никаких военных конфликтов между волинским князем и Ордой не было, и помощь Конраду была отправлена. То есть в данном случае татарские рати были

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 788–791.

⁷ Там же. Стб. 791–794.

⁸ Там же. Стб. 795–797.

⁹ Там же. Стб. 797.

¹⁰ Там же. Стб. 797–798.

¹¹ Там же. Стб. 798–799.

¹² Там же. Стб. 799–800.

¹³ Там же. Стб. 800–805.

¹⁴ Там же. Стб. 805–808.

¹⁵ Там же. Стб. 810–813.

¹⁶ Там же. Стб. 813–815.

¹⁷ Там же. Стб. 815–820.

¹⁸ Там же. Стб. 820–826.

¹⁹ Там же. Стб. 827–828.

²⁰ Там же. Стб. 882–887.

²¹ Там же. Стб. 884.

использованы волынским князем как объективный и понятный всем предлог для мнимого отказа от военной помощи. Возможно, в первый приезд папских послов князь Даниил Романович не нашел другой уважительной причины для отказа от короны, кроме военных стычек с Ордой. Почему галицкий князь в тот момент посчитал коронацию несвоевременной, а папа не смог тогда же предложить ему военную помощь — тема отдельного исследования. Мы лишь хотели указать на саму возможность использования русскими князьями ордынской угрозы в своих политических интересах.

Теперь обратимся непосредственно к зафиксированным в источниках конфликтам южнорусских князей и Орды, первый из которых помещен в статье Ипатьевской летописи за 6763/1252 г., и начнем с датировок.

Традиционно в историографии походы Куремсы на Бакоту и Кременец объединяются в один, что обусловлено их расположением в одной погодной статье Ипатьевской летописи²². Первый поход с незначительными вариациями датируется исследователями 1252 г.²³ В летописном сообщении имеется подсказка, позволяющая датировать рассматриваемые события именно так. Там говорится, что, когда татары стояли под Бакотой, Даниил «пошедшу на воину на Литву, на Новгородок»²⁴. Данная военная экспедиция, инициированная князем Товтивилом²⁵, состоялась как раз на рубеже 1251–1252 г. [9, с. 123].

Что касается датировки кременецкого похода Куремсы, здесь в литературе имеются варианты. И. Л. Измайлов относит данную рать к 1254 г. [12, с. 520]. Такая датировка возможна. В двух древнейших списках Галицко-Волынской летописи, имеющих общий протограф, Ипатьевском и Хлебниковском, сообщения о походе на Кременец практически дословно совпадают. Они помещены после рассказа о том, как Лев Данилович вернул отцу Бакоту, причем князь Даниил называется здесь «королем»²⁶. В сообщении о походе Куремсы на Кременец Даниил также именуется «королем», как, впрочем, и «князем». «Князем» Даниила называют ордынцы, для которых, вероятно, его новый титул не имел значения. Получив корону, галицкий князь остался вассалом хана. «Королем» своего господина именует кременецкий наместник Андрей. Если данная титулатура не позднейшая вставка, то она дает основание датировать поход временем после коронации, то есть не ранее осени 1253 г. Таковую датировку подтверждает участие Романа Даниловича в указанных событиях. По приказу отца тот прогнал из Галича князя Изяслава, захватившего город, пользуясь отсутствием Даниила Романовича²⁷. Сделать это до своего возвращения из Европы в 1253 г. [9, с. 121] Роман Данилович никак не смог бы. Далее по тексту следует сообщение о браке Шварна Даниловича и дочери литовского князя Миндовга, заключенном в конце 1254 г. [9, с. 123]. То есть сообщение о походе Куремсы на Кременец размещено между точно датированными событиями — коронацией Даниила Романовича и женитьбой его сына Шварна на литовской княжне, что позволяет датировать поход 1254 г.

В пользу такой датировки кременецкой рати можно привести еще один аргумент. Из текста летописи ясно, что во время похода Куремсы Даниил Романович отсутствовал в своих землях. Известно, что после коронации он отправился на ятвягов²⁸. По возвращении из покоренных ятвяжских земель галицко-волынскими князьями был осуществлен широкомасштабный поход

²² Там же. Стб. 828–829.

²³ М. С. Грушевский высказал предположение, что поход на Бакоту мог состояться в конце 1251 — начале 1252 г. [7].

²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 828–829.

²⁵ Там же. Стб. 818.

²⁶ Там же. Стб. 829; Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 128.

²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 829.

²⁸ Там же. Стб. 828.

в Киевское Подонье, который традиционно датируется 1254–1255 г. [15, с. 307; 9, с. 121; 12, с. 520–521; 35, с. 39]. В летописи указано, что данная экспедиция была «воздвигнута противу Татаром» «по рати же Кремянецкой Куремсине»²⁹, то есть после нее. Такая формулировка была бы уместной только как привязка к недавним событиям, а никак не к рати двухлетней давности.

Таким образом, совокупность косвенных данных дает основание предполагать, что походы Куремсы на Бакоту и Кременец могли происходить в разное время, первый — на рубеже 1251–1252 г. или в 1252 г., второй — между 1253 и 1254 г. Походы Куремсы на галицко-волинское пограничье и связанные с ними события, к сожалению, не нашли отражения ни в летописании других русских земель, ни в хрониках западных соседей князя Даниила Романовича, что не позволяет уточнить хронологию названных событий на основании других источников. Поэтому дальнейший анализ будет осуществлен с учетом двух возможных датировок — традиционной (походы имели место в 1252 г.) и предложенной И. Л. Измайловым (поход на Бакоту состоялся в 1252 г., на Кременец — между 1253–1254 г.).

Что могло спровоцировать ордынскую агрессию в южнорусские земли? Если мы обратимся к источникам, то увидим, что там нет никаких сведений о сопротивлении князя Даниила Романовича или его подданных установившейся системе зависимости. Вместе с другими русскими князьями галицкий князь присягнул Батью. Совершать карательные экспедиции в покоренные земли без серьезного основания для монголо-татар было нехарактерно. Как в таком случае можно трактовать действия Куремсы в 6763/1252 г.? Какие цели преследовал ордынский воевода? Кем были инициированы его походы на галицко-волинское пограничье? Мог ли поход Куремсы быть организован им самим?

В отечественной истории более позднего периода мы имеем несколько примеров организованных ордынскими эмирами набегов на русское пограничье³⁰. В период сильной и стабильной власти в Орде организаторы подобных авантюр карались смертью, как это было, например, с Мамат-Хожой, разорившим Рязанские земли в 1358 г.³¹ Учитывая вышесказанное и тот факт, что Куремса не был наказан, можно сделать вывод, что рати в южнорусские земли все-таки были направлены ханом Батьем или что статус Куремсы позволял ему вести самостоятельную политику на границах своего кочевья, разумеется, при условии, что она не противоречила интересам государства.

Отсюда возникает вопрос: кто такой Куремса?

Высказывалось мнение, что Куремса — третий сын старшего сына Джучи Орду, являвшегося соответственно старшим братом Бату [12, с. 520]³². Оно основано, главным образом, на сообщении Рашида ад-Дина, который в числе сыновей Орду третьим называет Курумиши³³. Созвучие имен дает возможность предполагать, что Курумиши и Куремса — одно лицо. Однако в том же источнике говорится, что все сыновья Орду постоянно находились в кочевьях своего отца³⁴. Кроме того, Рашид ад-Дин сообщает, что у Курумиши не было сыновей³⁵, а мы знаем, что сыновья Куремсы играли важную роль при дворе Ногая [12, с. 520]. Все это ставит под сомнение тождество Курумиши и Куремсы. Однако, как бы там ни было, по свидетельству Плано Карпини, в правление Бату Куремса был «господином всех, которые

²⁹ Там же. Стб. 838.

³⁰ 1348 г. — Темир на Алексин, 1358 г. — Мамат-Хожа на Рязань, 1365 г. — эмир Тагай на Рязань, 1367 г. — Булат-Темир в Нижегородские земли, 1405 г. — на Рязань, 1415 г. — на Елец, 1443 г. — царевич Мустафа на Рязань.

³¹ ПСРА. М., 2000. Т. X. С. 230.

³² Бичурин Н. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2005. С. 268. Прим. 3.

³³ Рашид-ад-дин. Сб. летописей. М., 2002. Т. II. С. 66.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 70.

поставлены на заставе против всех народов Запада» и имел под своей властью шестьдесят тысяч вооруженных «людей»³⁶. Из сообщения видно, что могущество ордынского улусбека произвело сильное впечатление на папского посланника. Таким образом, совокупность имеющихся данных позволяет предполагать, что статус Куремсы, царевича или нойона, был достаточно высок для проведения самостоятельной политики, не противоречащей общеордынским интересам.

Но, может быть, Куремса все же действовал по приказу хана и его поход был карательным? При любом варианте датировок момент был выбран неудачно. Когда монголы стояли под стенами городов, предполагаемый объект ханского гнева, князь Даниил Романович, в своих землях отсутствовал³⁷.

Действия ордынцев во время этих событий также не позволяют охарактеризовать походы как карательную экспедицию хана. Монгольские карательные походы на Русь хорошо известны (см., например: [35]). Приведем рассказ о том, как жители Герата поплавились за восстание против власти монголов и убийство наместника. Как сообщает Ибнелъасир, в ответ на эти действия татары «взяли город штурмом, перебили всех, которые в нем были, разграбили имущество (их), взяли в плен женщин, опустошили (окрестные) села, разрушили весь город и сожгли его. Затем они возвратились к своему царю Чингизхану, который находился в Талекане, рассылая оттуда по всему Хорасану конные отряды, действовавшие там таким же образом, и не уцелела ни одна из областей от злодеяний и бесчинств их»³⁸. Куремса действует по-другому. В первом случае он удовлетворился взятием одного пограничного города и убийством наместника другого. Во втором случае ордынский воевода двигался вдоль границы вместо того, чтобы «огнем и мечом» пройти земли Даниила, как это было принято у монголов в случае наказания ослушников. Присмотримся внимательнее к действиям Куремсы и его русских противников.

Когда ордынские войска подошли к Бакоте, княжеский наместник Милей «приложися к ним»³⁹. Под Кременцом же наместник галицкого князя Андрей предъявил Куремсе ярлык хана Батыея, «Батыеву грамоту», выданный Даниилу Романовичу на этот город⁴⁰. После предъявления ярлыка ордынца «не успевше ничто у Кремянца и возвратишася во страны своя»⁴¹. Если данная экспедиция действительно являлась карательной, то мы имеем беспрецедентный случай для всего периода ордынского господства над Русью, когда демонстрация ханского ярлыка остановила такую экспедицию. И если ханский ярлык был инструментом, способным остановить ханскую же агрессию, остается только недоумевать, почему он не использовался русскими князьями!

Еще один любопытный момент. В летописи, сразу за сообщением об уходе ордынских войск из-под Кременца, сообщается о просьбе князя Изяслава к татарам пойти с ним на Галич. В ответ князь услышал: «Како идеши в Галич? А Данило князь лют есть, оже отъимет ти живот, то кто тя избавит?»⁴². Странно, что татарская рать не воспользовалась предложением русского князя, полностью совпадавшим в тот момент с их собственными задачами, если считать экспедицию карательной. К тому же ордынца стали еще и убеждать Изяслава оставить эту авантюру, напоминая о силе галицкого князя. Даже если считать эти слова вымыслом летописца, мысль его совершенно очевидна: Даниил не являлся «целью» для Куремсы.

Если же мы предположим, что данные походы организовал сам Куремса, тогда и время было выбрано удачно, и образ его действий выглядит вполне логичным. Князь с войсками

³⁶ Плано Карпини Д. История монгалов, именуемых нами татарами // История монголов. М., 2005. С. 302.

³⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 828.

³⁸ Из летописи Ибнелъасира // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 31–32.

³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 828.

⁴⁰ Там же. Стб. 829.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

отсутствовал и не мог помешать ордынскому воеводе реализовать свои цели. Дополнительным аргументом против рассмотрения походов как карательных может быть представлена рать Даниила Галицкого в Киевские земли в 1254–1255 г. Вот как описывается данный поход в летописи: «По рати же Кремянецкой Куремсине Данил воздвиже рать противу Татаром, сгдав с братом и со сыном. Посла Деонисия Павловича взя Межибожие, потом же воевахуть людье Данилови же и Василкови Болохов, а Лвови Побожье и люди Татарския»⁴³. Весною: «Посла сына своего Шварна на Городок и на Семоц, и на вси городы. И взя Городок и Семоц, и вси городы сидящие за Татары — Городец и по Тетереви до Жедчевьева. Возвягляне же солгаша Шварном, поемше тивуна, не вдаша ему тивунити. Шварно же приде, поймав городы вся, и по нем придоша Белобережце и Чернятинци, и вси Болоховци»⁴⁴. Позже к Возвяглю пришел Роман Данилович с войском и сам Даниил. Все вместе они смогли взять город⁴⁵.

Перечисленные города расположены в пограничной зоне Киевской земли. Пытаясь выяснить, где проходили границы Золотой Орды, в рамках специального исследования В. Л. Егоров высказал предположение о существовании «буферных зон» на границах русских земель и монгольских кочевий. По мнению автора, такие территории находились под непосредственной властью татар, под управлением баскаков или откупщиков сбора дани, но не были включены в границы кочевого государства [11, с. 37]. Что касается границы южнорусских земель и Орды, то «буферная зона», как считает исследователь, включала в себя города Канев и Переяславль [11, с. 37–38]. Если это так, то перечисленные в процитированном выше летописном сообщении о походе князя Даниила города и области Киевской земли также могли входить в состав русско-ордынской «буферной зоны» и подчиняться Куремсе. В таком случае поход князя Даниила 1254–1255 г. можно рассматривать как месть ордынскому воеводе за организованную им кремянецкую рать. Ведь как сообщают источники: «Данило же держаше рать с Куремсою, и николи же не бояся Куремсе. Не бе бо мог зла ему створити никогда же Куремса»⁴⁶. Учитывая вышесказанное, можно согласиться с предположением М. С. Грушевского о том, что целью первых ордынских походов в Галицко-Волынские земли было включение пограничных городов — Бакоты и Кременца — в состав подчинявшейся монголо-татарам «буферной зоны».

В 6767/конце 1255 г. «Коуремьса поиде на Данила и на Василка»⁴⁷. На этот раз противник Даниила направил свои войска в глубь Галицко-Волынских земель. Часть татарских войск сражалась под стенами Владимира⁴⁸, сам Куремса осадил Луцк⁴⁹. В этот раз поход также оказался неудачным. Атака татарского отряда на г. Владимир была успешно отражена, устоял Луцк, «и не успевше ничто же», ордынцы «вратишася во станы своя»⁵⁰. Напомним, что в историографии данный поход интерпретируется по-разному. А. Н. Насонов рассматривал его как

⁴³ Там же. Стб. 838. В историографии существует мнение, что «людьми татарскими» назывались находившиеся в политическом и административном подчинении Орды болоховские князья/болоховцы (см.: [6, с. 86–87; 11, с. 36–37; 17, с. 208]). Что касается их зависимого от Орды положения, в пользу этого говорит само наименование — «люди татарские». В том же сообщении аналогичным образом обозначены и подданные Романовичей — «людье Данилови же и Василкови». Вероятнее всего, «люди татарские» были действительно жителями русских земель, так как собственно монголо-татар летописцы обычно именуют «татарами» и производными от данного слова или используют слово «ордынцы». Однако в вопросе о локализации не все решается так однозначно, на наш взгляд. В летописи говорится, что, в то время как люди Даниила и Василька воевали в Болохове, Лев воевал в Побожье и с «людьми татарскими». То есть русские войска сражались одновременно, но в разных областях. Получается, что «люди татарские» — это не болоховцы и не жители Понизья, а население другой земли, расположенной в том же районе. Так это или иначе, может установить специальное исследование вопроса.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 838.

⁴⁵ Там же. Стб. 838–840.

⁴⁶ Там же. Стб. 846.

⁴⁷ Там же. Стб. 840.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Стб. 841.

⁵⁰ Там же. Стб. 840–842.

очередную попытку удержать окраинные галицко-волынские области в сфере своего владычества [28, с. 240, прим. 2]. Однако ни Владимир Волинский, ни Луцк в эту зону не входили. Образ действий монголо-татар не позволяет охарактеризовать данный поход как карательный и тем более как завоевательный, и остается согласиться с предположением М. С. Грушевского о том, что поход на вышеуказанные города был мстью Куремсы за военную акцию галицко-волинских князей в предыдущем году [6, с. 87].

Суммируя все вышесказанное, можно говорить о том, что с 1252 г., а может, и с конца 1251 г. между Даниилом Романовичем Галицким и кочевавшим на сопредельных территориях улусбеком Куремсой мог существовать территориальный конфликт, вызванный притязаниями последнего. В 1254–1255 г. галицко-волынские войска разорили Киевское пограничье — «буферную зону», подчиненную Куремсе, в ответ на это Куремса ходил войною на Волинь. Вероятно, стычки Куремсы и князя Даниила Романовича Галицкого могли рассматриваться ханом как частный конфликт двух вассалов, исход которого в общегосударственных масштабах ничего не менял. Независимо от того, чей наместник сидел бы в Бакоте и Кременце, дань в Орду все равно бы поступала. Этим, вероятно, и объясняется невмешательство хана Бату.

После замены Куремсы Бурундаем⁵¹ и до кончины князя Даниила Романовича никаких сведений о сопротивлении князя Орде и каких-либо действиях, направленных на ликвидацию системы зависимости, также в источниках нет. Напротив, галицко-волынские князья дважды подтвердили свою лояльность хану. В 6768/1258 г.⁵² их войска во главе с князем Васильком Романовичем, младшим братом Даниила, присоединились к полкам Бурундая в походе на Литву и ятвягов⁵³. Данная рать могла быть организована в ответ на поход литовцев на Смоленск и/или Торжок в том же году⁵⁴. В 6769/1259 г. Бурундай подверг опале галицко-волинских князей и потребовал срыть укрепления ряда городов⁵⁵. Даниил Романович «убоявшуся побеже в Ляхы, а из Ляхов побеже во Угры»⁵⁶. А города Данилов, Стожеск, Львов, Кременец, Луцк, столица Волинской земли — Владимир лишились своих укреплений. Из-под Владимира Бурундай вместе с Васильком Романовичем направился к резиденции его брата — городу Холму. Жители города отказались выполнить требование ордынцев, переданное Васильком Романовичем, и приготовились к обороне. А Бурундай, оставив Холм без наказания, направил свои войска в Польские земли. Что спасло Холм и галицкие земли вообще от наказания заслушание? За что Бурундай разозлился на братьев Романовичей и двинул войска в их земли? Какой была настоящая цель данного похода? Исследователи сходятся во мнении, что целью обоих походов Бурундая было ограничить излишнюю самостоятельность князя Даниила Романовича, разорвать дружеские отношения, установившиеся между Галицко-Волинской Русью и ее западными соседями, ослабить этих самых соседей — Литву и Польшу [6, с. 89; 14, с. 26; 20, с. 104; 11, с. 188; 40, с. 258; 38, с. 182–183; 9, с. 121; 12, с. 521–522]. Нужно согласиться с данным выводом. Источники умалчивают о том, ездил ли Даниил Романович на присягу к хану Берке, и если нет, то действия ордынцев выглядят вполне логичными. Вероятно, первый поход Бурундая должен был показать, являются ли галицко-волынские князья «мирниками» хана. Участие русских полков в польском походе [9, с. 121], то есть покорность русских князей, положительно ответило на этот вопрос. Участие русских войск в ордынских походах в земли западных союзников князя Даниила Романовича, Литвы и Польши, не могло не отразиться на отношениях трех государств. В итоге похода 6769/1259 г. южнорусские города остались

⁵¹ Возможно, по причине смерти Куремсы (см.: [12, с. 520]).

⁵² Л. Н. Черепнин датирует данный поход 1256–1257 г. (см.: [39, с. 232]).

⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 846–848.

⁵⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 82, 310; ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 232; ПСРЛ. М., 2001. Т. VI. Вып. 1. Стб. 334; ПСРЛ. М., 2004. Т. XXV. С. 143.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 848–855.

⁵⁶ Там же. Стб. 850.

без защиты, что, конечно, снизило их обороноспособность, а польские земли подверглись жестокому разорению⁵⁷. Правда, на следующий год русско-польский союз был подтвержден⁵⁸, и никаких санкций со стороны Орды не последовало. Этот факт можно объяснить тем, что в 1259 г. после смерти великого хана Мунке в империи произошел конфликт, связанный с выбором нового великого хана. Данный конфликт переключил внимание ордынского правителя Берке на восток. Таким образом, имеющиеся в источниках сведения не дают никаких оснований для характеристики политики Даниила Романовича Галицкого как отчетливо антиордынской и после появления в соседних землях «злого» Бурундая.

Теперь обратимся к «восточному» направлению антиордынской политики галицкого князя. Напомним, что, по мнению некоторых исследователей, здесь Даниил Романович нашел себе союзника в лице суздальского князя Андрея Ярославича. Данный союз мог быть скреплен женитьбой Андрея Ярославича на дочери Даниила Романовича в обход канонических запретов на браки между двоюродными братом и сестрой⁵⁹. Но и здесь не все так однозначно.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что родство Андрея Ярославича и княжны Даниловны по материнской линии не может считаться надежно доказанным. Устоявшееся в историографии мнение о том, что матерью Ярославичей была дочь Мстислава Мстиславича Удалого, родная сестра первой жены Даниила Галицкого, было подвергнуто критике Д. Домбровским [10, с. 21–30]. Приведенные аргументы убедительно доказывают, что все дети князя Ярослава Всеволодовича родились в третьем браке, заключенном некоторое время спустя после распада союза с Ростиславой Мстиславной [10, с. 29–30]. И если это действительно так, то брак князя Андрея Ярославича и княжны Даниловны лишается вкладываемого в него подтекста.

Что же касается соблюдения брачного законодательства на Руси вообще, то, по мнению историка церковного права А. С. Павлова, на практике эти законы «никогда не имели у нас полного действия» [30, с. 122] и особенно тогда, когда во главе русской церкви стояли «природно-русские люди» [30, с. 123]. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, занимаясь близкородственными браками в домонгольской Руси, пришли к заключению, что в структуре запретов и ограничений на такие союзы в церковном законодательстве существовала некоторая неоднозначность [25, с. 45]. Отчасти это объясняется тем, что браки между родственниками регламентировались позднейшей церковной традицией и поэтому могли быть предметом обсуждения и уступок [25, с. 67]. Заключение подобного брака становилось возможным тогда, когда стимулы для брачного союза были велики, а барьеры — ослаблены [25, с. 53], например, имелись семейный прецедент [25, с. 47, 65] и санкция со стороны церковных властей. Попробуем применить данные соображения к союзу Андрея Ярославича и княжны Даниловны, исходя из установки, что они являются двоюродными братом и сестрой.

Что касается семейного прецедента, отец Даниила Галицкого первым браком был женат на своей троюродной сестре Предславе Рюриковне [25, с. 53–58], вторая жена родного брата Даниила Галицкого князя Василько [9, с. 122] также приходилась мужу троюродной сестрой. Конечно, вышеперечисленные браки были заключены между родственниками, находившимися в более отдаленной степени родства, чем суздальский князь и галицкая княжна. Но ведь когда-то и запрет на браки троюродных был нарушен впервые. Возможно, Андрей Ярославич и дочь Даниила Галицкого создали новый прецедент в брачном обиходе Руси. Препятствия со стороны церковных властей преодолеть, кажется, было несложно. Киевским митрополитом в ту пору был ставленник Даниила Галицкого Кирилл III, который и совершил обряд венчания.

---

⁵⁷ Там же. Стб. 852–855.

⁵⁸ Там же. Стб. 858.

⁵⁹ Церковь разрешает заключать браки между родственниками начиная с седьмой степени. Благодарю за консультацию к. и. н. Е. В. Беякову.

Военно-политическая выгода данного брака очевидна. Объединившись, тесть и зять могли бы решать любые задачи, по крайней мере внутренние. Однако о военном сотрудничестве родственников источники умалчивают. Вероятно, военный потенциал союза не был использован его участниками ни разу. И это выглядит странно, ведь князь Даниил Романович практически постоянно воевал. А участие Андрея Ярославича в военных кампаниях тестя могло бы стать отличной репетицией для похода против Орды. Но и без военной составляющей данный брак выглядел весьма привлекательным, статус Даниила Галицкого как «отца» великого владимирского князя, обладавшего политическим старшинством на северо-востоке, становился несоизмеримо высоким. Такая перспектива могла бы, на наш взгляд, послужить поводом к ослаблению барьеров, препятствующих заключению близкородственного брака.

Учитывая вышесказанное — ненадежные доказательства близкого родства суздальского князя и галицкой княжны, прецеденты нарушения брачного права в галицко-волинском княжеском доме, отсутствие серьезных препятствий для заключения брака со стороны церковных властей, отсутствие сведений о военном сотрудничестве тестя и зятя, а также политические выгоды данного союза, — на наш взгляд, невозможно рассматривать брак Андрея Ярославича и дочери Даниила Романовича как убедительный аргумент в пользу существования антиордынского союза двух князей.

Еще одним свидетельством в пользу такого союза считается совпадение по времени походов Куремсы на юге и Неврюя во Владимирские земли, состоявшихся в традиционной трактовке в 1252 г. [13, с. 511; 2, с. 154; 31, с. 272; 37, с. 147; 4, с. 71–72; 21, с. 18–33; 24, с. 27–28; 16, с. 25; 29, с. 52, 56; 22, с. 124]. Походы Куремсы были разобраны выше. Что касается похода Неврюя, поводом для его организации стало нежелание владимирского князя «цесарем служить», то есть сопротивление ханской власти. Надо ли говорить, что подобные акции правителей покоренных монголами земель и попытки высвободиться из-под их власти всегда карались самым жестоким образом. Вот как действует Неврюй. Его войска приходят адресно, сражаются, разоряют области, подвластные князю Андрею Ярославичу и его сторонникам: «плениша град Переславль и княгиню Ярославлю яша и дети изымаша и убиша ту воеводу Жидослава и княгиню убиша, а дети Ярославли в полон поведоша, и людей много полониша, и много зла створи отидоша»⁶⁰. При сравнении разобранных выше походов Куремсы на юге и Неврюя на востоке мы увидим, что они сильно различаются. Неврюй действует в рамках классического сценария карательной экспедиции, Куремса же ведет себя совсем по-другому: двигается вдоль границы, уходит после предъявления Даниловым наместником ханского ярлыка на осажденный город. Все это заставляет всерьез задуматься, проходили ли две эти акции в рамках одной военной кампании.

Действия князей-союзников также наводят на размышления. В то время как князь Андрей Ярославич Суздальский «выступает» против ордынского господства, галицкий князь Даниил воюет с ятвягами вместо того, чтобы поддержать союзника⁶¹. Налицо явная несогласованность действий, продемонстрированная «союзниками» в решительный момент. Обращает на себя внимание и то, что после разгрома войск Андрея Ярославича, вместе с которым, кстати, выступил только его брат Ярослав Тверской, князь бежит не к тестю и не в союзные тестю европейские государства, а в Швецию. Объяснить этот поступок в рамках концепции союза, на наш взгляд, также не представляется возможным.

Подводя итог, можно сказать о том, что тезис о целенаправленной антиордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого не находит надежного подтверждения в источниках. Напротив, совокупность всех имеющихся данных может свидетельствовать о том, что такой

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 142.

⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 828.

политики галицкий князь не проводил. Многочисленные военные походы на Запад, многие из которых были инициированы самим Даниилом, требовали больших затрат и спокойного тыла. Такая активная военная политика исключает саму возможность одновременной подготовки крупной кампании против империи Чингисхана. Возможно, до определенного времени он лелеял мечту организовать большой поход против Орды, но она разбилась о реалии суровой действительности — собственных сил было недостаточно, а европейские союзники Даниила (действительные или мнимые) не торопились, да и не имели возможности подняться на защиту дальних подступов к своим владениям. После Батыева нашествия Даниил Романович оказался зажатым между двумя агрессивно настроенными политическими системами — Ордой и католическим миром. В такой ситуации он был вынужден и присягнуть хану, и принять корону от папы Римского, чтобы обезопасить свои земли и сохранить их целостность, а вместе с тем и свою власть над ними. Лавирование между монголами и Латинской Европой — вот тот политический курс, которого по преимуществу придерживался князь начиная с 40-х годов XIII в. Это характеризует князя Даниила скорее как прагматичного политика, нежели как романтика, стремящегося к славе победителя могущественной империи Чингисхана.

Литература

1. *Большакова С. А.* Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М., 1976. С. 122–129.
2. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.
3. *Горский А. А.* Александр Невский и монголы // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 173–178.
4. *Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. Новгород, 1996. С. 64–75.
5. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
6. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Львов, 1905. Т. III. До року 1340.
7. *Грушевський М.* Хронологія подій Галицко-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72.
8. *Дашкевич Н.* Первая уния Юго-Западной Ру.и с католичеством (1246–1254). Киев, 1884.
9. *Домбровский Д.* Даниил Романович // ПЭ. М., 2006. Т. XIV. Даниил-Дмитрий. С. 118–125.
10. *Домбровский Д.* Из исследований генеалогии смоленских Ростиславичей: была ли дочь Мстислава Мстиславича матерью Александра Невского? (возвращение к проблеме) // ДРВМ. 2006. № 2 (24). С. 21–30.
11. *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2009.
12. *Измайлов И. Л.* Войны на Западе. Польша и Литва // История татар с древнейших времен. В 7 томах. Казань, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XIV в. С. 518–529.
13. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Тома I–VI. М., 2002. Т. 4.
14. *Катаев И. М.* Даниил Романович Галицкий. Галицкая Русь в XIII–XIV вв. до присоединения к Польше. М., 1915.
15. *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волинская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.

16. Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская Русь второй половины XII—XIII в. // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 10–29.
17. Котляр М. Ф. Галицко-Волинська Русь. Киев, 1998.
18. Котляр Н. Ф. Дипломатия Галицко-Волынской Руси в XIII в. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 121–129.
19. Котляр Н. Ф. Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 30–60.
20. Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984.
21. Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец Средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–21.
22. Кучкин В. А. Александр Невский — правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 101–128.
23. Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. С. 15–69.
24. Лаушкин А. В. Идеология «Ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской Земли. 2000. Ростов, 2001. С. 32–38.
25. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // ДРВМ. 2012. № 3 (49). С. 45–68.
26. Майоров А. В. Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica Antiqua*. 2011. Т. 3. С. 60–99.
27. Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
28. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006.
29. Ostrowski D. The Tatar Campaign of 1252 // *Palaeoslavica*. XVII / 2009. № 2. С. 46–64.
30. Павлов А. С. Пятидесятая глава Кормчей книги, как исторический и практический источник. М., 1884.
31. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
32. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998.
33. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959.
34. Свідерський Ю. Ю. Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X—XIII ст. Київ, 1983.
35. Селезнев Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII—XIV веков. Справочник. М., 2010.
36. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. II. Т. 3.
37. Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
38. Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004.
39. Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // ИЭ. 1941. № 12. С. 228–253.
40. Щавелева Н. И. Прусский вопрос в политике Даниила Галицкого // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. С. 251–258.